

Роберт Ритчер

Людвиг фон Платен

Среди первых переселенцев из Германии в Нижнее Поволжье был Бернгард Людвиг фон Платен (Bernhard Ludwig von Plathen), автор первого памятника литературы российских немцев, носившего характерное для того времени длинное название « Reise- beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen, von einem Offizier Plathen» («Описание путешествия колонистов, а также образа жизни русских, составленное офицером Платеном»), к тому же выполненное в стихотворной форме.

Биографические сведения об авторе скудны, большей частью взяты из его же поэмы.

Он родился в 1733-ем году в Померании в семье небогатого дворянина. По традиции семьи он учился в кадетском корпусе в Берлине; по окончании его стал офицером прусской армии короля Фридриха II. Как офицер он участвовал в нескольких военных кампаниях, которые вела Пруссия, в том числе и в семилетней войне (1756 - 1763 годы).

Был он из тех, кому в жизни не везло: если для короля Фридриха поражение в войне стало всего лишь крупной политической неудачей, то для Людвиг фон Платена оно стало крахом всей его жизни. В войне на стороне прусской короны он не только не сделал карьеры, не только не нажил богатства, но и лишился того, что у него было: офицерской службы и небольшого имения. Жить стало нечем.

Из поэмы:

Mundirung, Geld und Gut	Плохи мои дела:
Tat mir nun gaenzlich fehlen;	Ни дома, ни мундира,
Kurz, meine ganze Sach'	Живот тоска свела,
War herzlich schlecht beschelt;	В кармане одни дыры.
Ich konnt es ohne Klag'	А шнапса вовсе нет,
Vor Leute nicht verhelen;	И от людей не спрячешь,
Ich muste barfuss gehen,	Что я уж без штиблет –
Kein Schnaps war nicht zu waehlen	Не хочешь, а заплачешь.

Манифест русской царицы Екатерины, приглашавшей иностранных подданных для переселения в Россию, активно распространяемый в германских странах её агентами, вселил в него надежду найти удачу на службе российской короне. Конечно, в качестве офицера. Шёл 1765-ый год.

Платен обратился к российскому комиссару в Любеке поручику Ребиндеру. Это был тот самый Ребиндер, который в 1763-ем году совместно с капитаном Пайкулем доставил в Россию сначала под Петербург, а весной 1764-го года – в

Саратов группу из 103-х семей ремесленников, основавших потом Немецкую Слободу. Корнет заслужил милость императрицы, был повышен в чине и отправлен комиссаром в Любек.

Из поэмы:

Drauf resolviert es mich, Auch mit dahin zu gehen, Ob ich mein glueck nicht konnt' In Russland bluhem sehen. Ging also eiligst hin Zum Werbungskomissaer, Sagt, dass ich ein Offizier Auch gut von Adel waer.	Что ж делать мне теперь? Пойду, как все босые, Быть может, к счастью дверь Находится в России. И, вскинув голову, вбежал К начальнику вербовки. «Я дворянин, - ему сказал, - И офицер я ловкий».
--	---

Ребиндер его внимательно выслушал; однако, сказал, что вопрос о службе офицером находится вне его компетенции, но всё-таки подписать контракт (с фирмой «Ле Руа и Пите», имевшей свою контору в Любеке) и уехать в Россию; по прибытии же в Ораниенбаум подать прошение царице о принятии на русскую службу. Платен решился на отъезд. Но его не оставляли сомнения: он не был уверен в правильности принятого решения, ему было горько покидать родину, хоть и отнеслась она к нему не как к сыну, а как к пасынку.

Из поэмы:

Was ist da fur ein Schmerz, Dass ich muss Deutschland meiden Und nun als Kolonist Viel Plag und Kummer leiden. Betruerbnis, viel Verdruss Zu Wasser und zu Land, D'rum bin ich argerlich In diesen neuen Stand.	Немыслимо, какая боль – С отчизной расставаться! Зачем досталась эта роль Мне – колонистом зваться? Всё в жизни так неладно, Я в муках, я в тревоге. О Боже, как досадно Мне быть таким убогим!
--	--

Вместе с другими эмигрантами отплыл он из Любека. Плыли долго и трудно: то многодневный штиль, то штормовой ветер и качка и её следствие – изнуряющая тело и душу морская болезнь. Продовольствия тоже не хватало.

Из поэмы:

Sechs Wochen mussten wir Die Wasserfahrt ausstehen, Angst, Elend, Hungernot Taglich von Augen sehen. Also, dass wir zuletzt Salz, Wasser, Schimmelbrot Zum Lebens unterhalt. Einhilten kaum zu Not Bis diese Glueckstund kam Oranienbaum zu sehen, Da tat ein jeder nun Mit Freud' vom Schiffe gehen	Мне в трюме шесть недель Пришлось болтаться в море И видеть каждый день Отчаянье и горе. Уж голод тут как тут: Лишь плесневый сухарь С водой и солью нам дают, А впереди – всё хмарь. Вот, наконец, - счастливый час! - Ораньенбаум вдали! Лишь только к берегу – и враз Все с корабля сбегли.
---	---

В Ораниенбауме все переселенцы проходили карантин перед отправкой дальше.

Сразу по прибытии фон Платен подал прошение о принятии его на офицерскую службу. Однако, оказалось, что Ребиндер был излишне оптимистичен: Платену в приёме на русскую службу отказали. Да и то: зачем принимать на службу офицера, не знающего русского языка, да ещё несколько лет воевавшего против России в рядах неприятельской армии? В памяти царицы свежи ещё были воспоминания о том, какую ненависть к себе вызывал её незадачливый супруг Пётр III своими пропрусскими взглядами.

Платен был прямо-таки убит. Если бы у него были деньги, он отдал бы долг фирме «Ле Руа и Пите» и вернулся бы в Германию или на худой конец попробовал бы самостоятельно пробиться в Петербурге, где было полно немцев. Да и долг был не такой уж и большой: немного денег, полученных в Любеке, и затраты на перевозку через Балтийское море. Но у него не было ни копейки, и взять было негде. Несмотря на дворянство и офицерство, ему оставалось только одно: вместе со всеми продолжать следовать на Нижнюю Волгу.

В Петербурге для группы был сформирован обоз, и несмотря на то, что дело шло к зиме, переселенцев отправили в путь. А он был не близкий и занял почти столько же времени, сколько морской переход из Любека в Ораниенбаум – сорок дней. Ночевали в селениях, под крышей; Платен, несмотря на охватившую его глубочайшую депрессию, признавался потом, что такое путешествие пришлось ему по душе; правда, в следующей же строфе поэмы он повествует о грустных и трагических моментах его.

Из поэмы:

Wir mussten vierzen Tag'
Beim Wagen patroullieren
Und Weiber mit Bagag'
Zu Lande transportieren.
Hier wurden viele krank
Und viele blieben tot;
Die Kinderlein voraus
Die lietten grose Not.

В пути мы были сорок дней,
Мужчины – лишь пешком:
Места для женщин и детей –
В телегах с багажом.
Хворали многие тогда,
Иные – в гроб легли.
И детям малым не всегда
Мы пособить могли.

Так добрались они до города Торжка в Тверской губернии, расположенного на берегу Волги. Отсюда на дощанике – большой барже – им предстояло спуститься по Волге до Саратова. Но начались холода, Волга вот-вот должна была стать, и им пришлось здесь зимовать. Для этого было определено одно русское село, расположенное неподалёку от Торжка. Всё, увиденное в этом селе, Платену очень не понравилось. Это нашло отражение в поэме, где он с повышенной эмоциональностью и излишней горячностью описал «ужасный» быт русских крестьян, их бесправие, их бедность и их бескультурие.

Весной двинулись дальше.

Из поэмы:

Anjetzt schon sieben Staedt'
Mit Glueck vorbei passiert;
So es uns auch gar bald
Nach Saratow infiert...
Der Schiffer sieht ja auch
Kosakenstadt schon liegen

Мы долго шли. Семь городов
Остались позади.
И вот уже в конце концов
Саратов впереди...
И все, кто у борта стоял,
Мог зреть Козакенштадт.

Семь городов, о которых говорит здесь поэт, – это, скорее всего, самые крупные города того времени, в которых приходилось останавливаться для пополнения продовольственных запасов: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Симбирск и Самара. А Козакенштадт – это не прижившееся немецкое название, присвоенное в то время Покровской Слободе, поселению почти полностью украинскому, основанному ссыльными запорожскими казаками, сторонниками гетмана Мазепы.

Саратовская контора Комиссии иностранных поселенцев определила им место для колонии на левом берегу Волги, верстах в 60-ти ниже Саратова. Место было хорошее: высокий берег, заливной дуг, небольшая чистая речка Поповка, прекрасный вид на Волгу. Поселению было дано название Иост (Jost), позднее получило оно и русское имя – Поповка, как и речка.

Но Платену ничто не было мило. Всё происходившее с ним он расценивал только с одной точки зрения – как полный крах своей судьбы. Перспектива стать крестьянином для него была невыносимо дикой, и лишь надежда на какой-то неожиданно благоприятный исход немного согревала его душу.

Из поэмы:

Ihr Bauern, treten aus!
Man ruft euch Kolonisten,
Hier gibt kein Buerger nicht,
Und kein' Professionisten,
Kein Aedel-Charakter,
Kein Amtrecht, kein Offizier.
Ihr musst nun Bauern sein,
Da ist kein Rat dafuer.

Пришли. Отныне здесь – ваш кров.
Велик ты или мал,
Из горожан иль мастеров,
Иль профессионал,
Хоть бел ты, иль хоть сер,
Хоть грешен ты, хоть чист ты,
Чиновник или офицер,
Теперь все - колонисты!

И тут же он насмехается над своими собратьями-колонистами, над их верой, что

Кто трудится, хоть тресни,
Не потакая лени,
Тому Отец Небесный
И хлеба даст, и денег.

Однако на первых порах всё на самом деле оказалось не так безнадежно, как воспринималось измученной душой Платена. Пока шёл процесс первичного обустройства, пригодился административный опыт его – как- никак, а бывший офицер. Но через год дирекция общества «Ле Руа и Пите» от услуг Платена

отказалась. И стало ему совсем плохо: не приспособленный совершенно к крестьянскому труду, да и не мыслящий себя бауэром, он вынужден был стать наёмным работником-подёнщиком. Отчаянию его не было предела.

Из поэмы:

Ich dachte hin und her:	Как в Ноевом ковчеге,
Soll ich ein Bauer sein?	Пришлось с судьбой смириться:
Da schlage Pulver, Blei	Коль нечего пожрать,
Und alle Flamm hinein!	То вынужден поститься.
Nun wurden wir geteilt	Подумал я тогда тайком:
Als wie in Nohas Kasten,	Взять зарядить мушкет,
Wer nichts zu fressen hat,	Вскричать: «Не буду мужиком!» -
Bereite sich zu Fasten.	И грохнуть в целый свет.

Но вскоре ему опять повезло: В 1768-ом году его пригласил к себе граф Денгоф в качестве учителя и воспитателя своих детей. Дело это, конечно, для него было новое и, может быть, не совсем по душе, но всё-таки это было во много раз лучше того, что он имел.

Из поэмы:

Man hat aus mir Offizier	Крепких вам желаю жил,
Ein Prezeptor gemacht.	До свиданья, братцы.
Bleibt jetzo all gesund,	Бывший офицер решил
Ich sage: "Gute Nacht".	В прецепторы податься.

Граф Денгоф, не очень удачливый представитель известной в Германии фамилии, тоже решил поискать счастья в России. Он с группой переселенцев прибыл на отведённое им место, там была заложена колония, названная чуть позже его фамильным именем – он стал первым форштегером её, и теперь приспособлялся к местным условиям. Но как бы условия ни были убоги и скромны, а детей растить и учить надо. Стороной услышал он о Платене и сделал ему деловое предложение.

Об этом графе Денгофе удалось узнать совсем немного, и даже не о нём, а о носителях этого имени. Дворянская линия Денгоф известна в Германии с 1330-го года. Родоначальник одной из её ветвей граф Фридрих Денгоф в 17-ом веке обосновался в Восточной Пруссии и построил замок Фридрихсштайн. Другой ветви, вестфальской, принадлежал замок Винзеебек. Третья ветвь обосновалась в Берлине, поволжский Денгоф был как раз из неё. Потомок восточнопрусской ветви Марион Грэфин Денгоф – основательница (1948-ой год) получившей всемирную известность германской газеты «Zeit».

Как в то время можно было попасть из Иоста в Денгоф? Для этого нужно было сначала пройти по берегу Волги вверх 10 вёрст – там была основана колония Куккус. Напротив Куккуса на высоком правом берегу Волги хорошо видно было русское село Ахмат. Волга здесь была неширокая, будто кто-то гигантской рукой взял её и сдавил. Кто-нибудь на лодке должен был перевезти путника в Ахмат. Если даже граф не прислал за учителем лошадей, не беда: можно и пешком,

молодому человеку вполне можно справиться с этим за день – 33 версты. В 4-х верстах от Ахмата в широкой живописной долине находился Антон, одна из первых колоний. Ещё 13 вёрст – и наш путник в Бальцере. Здесь можно немного отдохнуть и снова – в путь (хотя, случись удача, и Платен мог бы повстречаться тут с ещё одним неудачником, бывшим капитаном Якобом Дорлошем; им было бы о чём поговорить: оба – участники Семилетней войны, хотя не исключено, что воевали по разные стороны линии фронта, но это вряд ли могло стать помехой). В 10-ти верстах от Бальцера – колония Куттер. Последний этап, последние 6 вёрст, и бывший офицер – в Денгофе, который виден ему стал ещё в Куттере: Денгоф заложен был на высоком бугре, одна сторона которого, крутая и почти лишённая растительности, послужила основой для русского названия колонии – Гололобовка. После Куттера путнику пришлось вброд преодолеть реку Карамыш, но это не страшно: она не очень широкая и не очень глубокая.

Несколько лет провёл Платен в Денгофе, пестуя детей графа. В лице последнего нашёл он себе и ежевечернего собеседника, и первого слушателя и критика своей поэмы. Беседы эти были интереснее, а споры жарче, если под рукой был ещё и добрый кувшин пива.

Здесь же нашёл себе Платен и спутницу жизни – молодую вдову Анну-Маргариту.

Но уж если не везёт, так не везёт. Стоило детям графа чуть подрасти, как он встрепенулся: ведь им нужно давать настоящее образование. Да и надоело ему жить в деревне. Собрал граф всё своё семейство и уехал на родину, оставив в распоряжение учителя свой дом, но лишив его надёжного куска хлеба.

Деятельная жена не давала поэту унывать, тем более – голодать. А вскоре от пастора села Гуссенбах пришло предложение занять место его помощника (кюстера) и учителя в приходской школе. Платен согласился.

Село Гуссенбах находилось от Денгофа даже дальше, чем Иост, почти за 50 вёрст, но теперь учителю не было нужды идти пешком: у него были и лошадь, и коляска. Колония эта была основана на нагорной стороне в 1767-ом году, русское название её – Линёво Озеро (ныне в Жирновском районе Волгоградской области). Путь Платена лежал через колонии Бауэр, Меркель, Кратцке и Диттель.

Как шла его служба в Гуссенбахе, сведений нет.

Летом 1774-го года супруги Платены по каким-то надобностям поехали в Денгоф. В первых числах августа село занял какой-то отряд отступавшей от Саратова армии Пугачёва. Платены им чем-то не угодили, и мятежники повесили их.

Поэма «Описание путешествия...» была написана Людвигом фон Платеном в Денгофе. В ней 67 восьмистиший, то есть 536 частично рифмованных строк. После гибели автора она была обнаружена денгофским пастором и долго хранилась в бумагах Саратовской евангелическо-лютеранской консистории, куда пастор её передал.

Впервые она была опубликована Александром Клаусом в качестве одного из 12-ти приложений в его книге «Наши колонии», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1869-ом году, почти через 100 лет после трагической смерти незадачливого офицера, бедного дворянина, неизвестно какого учителя и довольно слабого поэта Бернгарда Людвига фон Платена.

Но хотя художественные достоинства поэмы Платена невелики, однако она, как писал покойный Вальдемар Эккерт, имеет ценность уже в том, что явилась «первым литературным произведением, написанным очевидцем, участником переселения немцев, и что в ней немало живой и поэтому особо ценной информации о надеждах, трудностях, настроениях и разочарованиях одного из людей, решивших покинуть родину». Ради обретения сытой жизни в «чужих неведомых краях» – добавлю я.